

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

УДК 316.422

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ¹

**М.И. Черепанова, Е.Ю. Сафронова,
К.К. Илюшников, Э.О. Эбелинг**

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: cher_67@mail.ru, esafr@mail.ru, kostya_-_run@mail.ru, eva-ebeling@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)3-05

Актуальность предложенного в статье исследования обусловлена тем, что воспроизводство человеческого капитала определяет региональную специфику социально-демографической безопасности. Целью предлагаемой статьи является анализ базового механизма кризисного воспроизводства населения типичного приграничного региона России, выявления проблем институционализации в управлении системой безопасности регионов. Проанализированы факторы и условия взаимной детерминации процессов рождаемости и смертности социальными условиями существования населения в региональном социуме. Использован подход многофакторного анализа данных исследования с учетом демографических, социально-психологических показателей. Представлены результаты эмпирической проверки Концепции интегративной социальной устойчивости. Описаны региональные тенденции сниженного уровня воспроиз-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

водства населения в Алтайском крае. Сделаны выводы о том, что результаты комплексного исследования экономических, институциональных, социальных, поведенческих особенностей воспроизводства населения позволяют не только определить актуальные тенденции, но и предложить пути их оптимизации.

Ключевые слова: *безопасность, социально-демографическая безопасность, Алтайский край, рождаемость, смертность, человеческий капитал, воспроизводство человеческого капитала*

REPRODUCTIVE MECHANISMS OF HUMAN CAPITAL IN THE ALTAI TERRITORY

M.I. Cherepanova, E.Yu. Safronova, K.K. Plushnikov, E.O. Ebeling

Altai State University, Barnaul, Russia,

e-mail: cher_67@mail.ru, esafr@mail.ru, kostya_-_run@mail.ru, eva-ebeling@yandex.ru

The relevance of the research proposed in the article is determined by the fact that the reproduction of human capital determines the regional specifics of socio-demographic security. The purpose of the proposed article is to analyze the basic mechanism of crisis reproduction of the population of a typical border region of Russia, to identify the problems of institutionalization in the management of the regional security system. The factors and conditions of mutual determination of the processes of fertility and mortality by the social conditions of the population's existence in the regional society are analyzed. The approach of multivariate analysis of the research data is used, taking into account demographic, socio-psychological indicators. The results of an empirical verification of the concept of integrative social vulnerability are presented. Regional trends of a reduced level of population reproduction in the Altai Territory are described. It is concluded that the results of a comprehensive study of the economic, institutional, social, behavioral features of population reproduction allow not only to identify current trends, but also to suggest ways to optimize them.

Keywords: *security, socio-demographic security, Altai Krai, birth rate, mortality, human capital, reproduction of human capital*

Введение

В контексте исследований Г. Беккера человеческий капитал включает две составляющие. Одна из них — специфическая, эффективная для работы на конкретном предприятии. Другая — общая, полезная для всего общества. Сущность данной концепции заключается в том, что специфический компонент человеческого капитала приносит пользу только в той экономической системе, в которой он ее приобрел, в то время как общая часть человеческого капитала способна приносить доход в иных экономических системах аналогичного уровня (Беккер, 2009).

В контексте подхода С. Фишера под человеческим капиталом подразумевается способность человека приносить доход. Человеческий капитал в данном контексте является совокупностью врожденных способностей, талантов, образования и полученной квалификации. Сходным понятием с человеческим потенциалом является термин «человеческие ресурсы». Данный термин лежит в основе нового ресурсного подхода в контексте формирования конкурентоспособности компании, региона, страны (Алтер, 2013). Суть данного подхода заключается в том, что оптимальное управление человеческим потенциалом позволяет превратить компетенции работников в инструменты.

Согласно подходу Э. Брукинга человеческий капитал включает физический и умственный потенциал (Брукинг, 2001). С. Кузнец выявил ограничения к функционированию человеческого потенциала, к которым можно отнести низкий уровень стартового потенциала физического и человеческого потенциала.

Согласно подходу Д. Васина стабильность и рост экономики развивающихся стран в первую очередь определяется оптимальным функционированием человеческого потенциала страны (Васин, 2011). Принципиальными для всех указанных нами подходов в оценке человеческого капитала являются базовые основы данного феномена в виде врожденных способностей индивида, потенциал которых можно увеличить за счет целенаправленного инвестирования. В данном контексте мы солидарны с отечественными учеными, которые понимают под человеческим капиталом комплекс не только врожденных способностей, но и здоровья, мотивов, интересов, культурного потенциала, достигших функционального максимума за счет вложенных инвестиций и обуславливающих рост производительности и дохода того или иного предприятия (Глазьев, 2010).

Современные научные представления о структуре и видах человеческого капитала имеют дискуссионный характер. Имеющиеся классификации видов человеческого капитала отличаются неполнотой описания индивидуального и национального человеческого капитала. Тем не менее исследователи выделяют индивидуальный, коллективный и общественный, или национальный, человеческий капитал.

Необходимо акцентировать, что функционал национального человеческого капитала не может быть итогом простого объединения коллективного и индивидуального человеческих капиталов. Общественный человеческий капитал является закономерным итогом комплексного и системного взаимодействия и функционирования человеческого капитала на индивидуальном и коллективном уровнях (Бродель, 2007). Кроме того, при максимально эффективной реализации каждого из этих видов капитала может наблюдаться значительная синергия не только для всей нации в целом, но также и для отдельных субъектов экономики страны.

Неоднозначность комплексных оценок человеческого капитала связана с тем, что единица человеческого капитала зависит от знаний, умений и навыков и не может действовать вне самого носителя, работника предприятия.

Несмотря на значительное количество методологических и методических подходов к оценке человеческого капитала универсальная и комплексная система

показателей отсутствует и по настоящее время. Особую научную значимость имеет проблема достоверности оценок человеческого капитала как в контексте предприятия, так и в контексте страны или нации.

В целом показатели человеческого капитала могут включать два полюса: количественные и качественные характеристики персонала, а также инвестиции в человеческий капитал. Первый полюс определяется среднесписочной численностью работников предприятия, зависит от возрастной структуры персонала, образовательной структуры и среднего стажа работы по специальности. Кроме того, данный показатель может меняться в зависимости от текучести и абсентеизма персонала, а также обуславливаться его профессионально-квалификационной структурой.

Особыми социально-значимыми характеристиками национального российского человеческого капитала сегодня являются численность населения страны, количественные и качественные показатели трудоспособного населения, специфика профессионально-квалификационной структуры специалистов, образовательный уровень и качество жизни граждан. Несмотря на актуальность исследования проблем человеческого капитала, в частности его интеллектуального компонента для развития наукоемких отраслей, реализация данных приоритетов в современном российском обществе только декларируется. Современная практика нуждается в новых теоретических подходах, основанных на анализе человеческого капитала в контексте общемировых тенденций, связанных с интеллектуализацией производства.

Социальный контекст развития человеческого капитала идентифицирует его как социальную активность и результативность. В рамках социологического подхода происходит сопоставление феномена «человеческого потенциала» с понятием социального капитала. Следовательно, человеческий капитал — широкое понятие, включающее в себя разнообразные структурные компоненты воспроизводства социума в целом. В контексте социологических теорий М. Вебера, Г. Зиммеля, Т. Парсонса, Э. Дюркгейма понятие человеческого капитала определяется через ценность социальной жизни. Компонентами человеческого капитала исследователи считают мораль, культуру, убеждения, ответственность и инициативность в условиях трудовой деятельности (Гребенников, 2016).

Согласно представлениям российских ученых, таких как Т.И. Заславская, Е.Ф. Злобин, Ж.Т. Тощенко, Г.А. Емельянов, человеческий капитал представляется системой таких качеств и свойств, которые позволяют ему найти максимальную реализацию в условиях своей жизни, однако используя социальные институты как посредников в данном процессе (Емельянов, 2011).

Под человеческим капиталом мы подразумеваем системную, интегральную совокупность условий и факторов оптимального функционирования населения любого общества, повышающих его конкурентоспособность и экономическую мощь. Результатом является двойственный взаимовыгодный процесс суммации общественных благ высокого качества с одной стороны, увеличение численности профессиональных, высокообразованных, социально активных и ответственных граждан — с другой стороны (Черепанова, 2017).

Таким образом, важно стимулировать не только экономические, но и социальные, психофизические резервы, являющиеся компонентами человеческого капитала.

Структурные элементы человеческого капитала включают внешние факторы, такие как уровень финансовых вложений в разные аспекты его развития, информационную осведомленность населения, культурно-образовательный уровень и прочее. Отечественные исследователи проявляют интерес и к внутренним компонентам человеческого капитала, так как именно они могут быть оптимизированы за счет социального контроля, повышения мотивации населения к позитивным изменениям (Еремин, 2013).

Значимым внутренним и мотивирующим фактором человеческого капитала является специфика трудовой этики, корпоративной и профессиональной культуры, обеспечивающей уровень продуктивности труда социального актора. Современные российские социологи назвали российским феноменом явление «трудового нигилизма» (Глазьев, 2010). Противоположный эффект, в частности, наблюдается в таких странах, как Япония, Китай, где уровень профессиональной дисциплины и мотивированность к достижениям в труде достигает 90%. В России такой уровень актуализирует лишь каждый третий трудящийся (Вишневецкий, 2010). Своеобразный трудовой нигилизм обусловлен существующими социокультурными нормами российского населения.

По данным большинства российских исследований, человеческий капитал как базовый ресурс российского общества используется нерационально. Происходит снижение его эффективности, своеобразное истощение и деградация. Тем не менее в стране существует положительный задел, реализация которого смогла бы компенсировать данный процесс.

Воспроизводство и накопление человеческого капитала в России имеет свои специфические факторы и особенности взаимообусловленности. Одной из таких особенностей явился процесс инфляции человеческого капитала в условиях существующей длительное время плановой экономики. В данных условиях произошла и своеобразная инфляция накопленного профессионального опыта. Одним из проявлений этого процесса стало парадоксальное сосуществование научного и исследовательского потенциала и недостаточная его результативность.

Другая специфическая особенность российской экономики заключается в том, что качество распространенного в стране высшего образования не способствует поставкам высокотехнологичных кадров в экономику. Одним из условий данной ситуации выступает недостаточный управленческий ресурс в сфере стратегических инноваций отечественных вузов. Роль высшего образования в стране, таким образом, не является воспроизводственным фактором. Кроме того, диспропорции на рынке образовательного и профессионального труда сформировали несоответствие спроса и предложения высококвалифицированных кадров. Это явление снижает востребованность высшего образования и его эффективность.

Низкий уровень инвестирования в образование также не способствует качественному воспроизводству человеческого капитала в стране.

С другой стороны, повышение имиджа образования и рост инвестирования в институт образования смогли бы обеспечить рост совокупного интеллектуального потенциала страны.

С целью предотвращения выявленных противоречий необходима разработка социально-экономического механизма формирования человеческого капитала страны.

Российские исследователи полагают, что данный механизм должен быть основан на таких принципах, как

- первичность витальных ресурсов человека (продолжительность жизни, качество жизни населения и пр);
- равнозначность качеств человеческого капитала;
- динамичность человеческого капитала;
- самодостаточность и саморегулируемость человеческих ресурсов;
- непрерывность инвестиций в человеческое развитие;
- учет интересов и мотивация субъектов в экономике и пр. (Maksimova, Surtaeva & Cherepanova, 2019).

Данный воспроизводственный механизм направлен на формирование совокупных условий и учитывает биологический, социокультурный, интеллектуально-образовательный и мотивационный уровень реализации человеческого капитала в обществе.

Результатом эффективного использования описанного механизма может стать производство профессионала нового типа, мотивированного к непрерывности образования, внедряющего новые технологии, направленное на гармоничный баланс сочетания личного и общественного блага (Гребенников, 2016).

Формирование такого человека будет являться индикатором перехода от неэффективного ресурсно-сырьевого к постиндустриальному уровню развития современного российского общества.

Предложенный выше механизм является системой накопления качественно-уровня его компонентов в условиях российских реалий.

В контексте социологического знания человеческий капитал отличается формой воспроизводства, включающей не только запасы формальных способностей, знаний, навыков, компетенций, определяющих успешность человека, но и комплекс неформализованных компонентов, обеспечивающих культуру повседневного бытия: нравственность, духовность, ценности, саморегуляцию, коммуникативную компетентность и пр. Последняя группа качеств формируется в процессе взаимодействия с социальными институтами и реализуется в условиях социальных сетей.

Наличие данных комплексных качеств является индикатором экономической и социально успешной организации, региона, страны в целом.

Социальный механизм функционирования человеческого капитала всегда действует по двухконтурной модели. Первый контур — индивидуальный, включающий биологический, социокультурный, интеллектуально-образовательный потенциал человека.

Второй контур — институциональный, включающий роль базовых институтов общества в развитии человеческого капитала и обеспечивающий совокупное качество данного процесса.

Методы

Исследование человеческого капитала в системе сохранения социально-демографической безопасности проводилось в Алтайском крае (2020–2021 гг.), многоступенчатая стратифицированная выборка, $n=600$, возраст опрошенных — 18–70 лет. Специфика функционирования человеческого капитала измерялась на основе анализа актуальной региональной статистики и вопросов анкеты, экспертного опроса. Был проведен первичный анализ описательных статистик. Анкетирование позволило изучить современные условия жизни населения Алтайского края, системное и комплексное состояние человеческого капитала в период кризисного состояния общества в условиях специфики Алтайского края.

Результаты

Алтайский край длительное время пребывает в условиях демографического кризиса. Для данной ситуации характерна стремительная депопуляция населения. Преобладание смертности над рождаемостью, значительный миграционный отток, значительное преобладание пожилого и старого населения в общей структуре населения края определяется тем, что одним из существенных компонентов социальной безопасности является демографическая ситуация в стране, состояние и уровень управления которой определяет демографическую безопасность. В современном российском обществе причины демографических проблем несколько специфичны. Это не просто вымирание нации из-за превышения смертности над рождаемостью, как в странах демографической «зимы», например Германии. Проблема носит комплексный характер. Это определяет своеобразную демографическую катастрофу и цивилизационный вызов народам России и самому будущему нашей страны. Начиная с 2010 г. ежегодный размер естественной убыли в России превысил один миллион человек, а к 2025 г. эта цифра имеет все шансы вырасти почти в два раза. Описанные тенденции усиливаются в региональных социумах, характеризующихся низким социально-экономическим уровнем развития, например в Алтайском крае. Основной демографической проблемой Алтайского края является сокращение численности населения, обусловленное его естественной убылью (за счет превышения смертности над рождаемостью). Показатели смертности за 2018 г. превысили рождаемость на 9752 чел., за 2019 г. — на 11 667 чел. Показатель рождаемости в 2019 г. снизился на 2374 чел. А в 2018 г. количество родившихся в Алтайском крае было самым низким в Сибирском федеральном округе. Данные тенденции во многом характеризуются социальной обусловленностью. Несмотря на значимость объективных процессов, снижающих качество жизни и здоровья жителей региона, необходимо обратиться к его субъективному компоненту, а именно самосохранительному поведению, специфическому отношению к витальным ценностям. Представляется значимым исследовать механизмы роста

смертности населения от социально-опасных, аутоагрессивных и суицидальных форм поведения. По данным статистики, в 2019 г. смертность от внешних неестественных причин (убийства, самоубийства, отравления, автоциды) заняла третье место в структуре смертности населения края.

Современная оценка социально-демографических показателей в Алтайском крае

Анализ статистических данных выявил, что за последний межпереписной период (2002–2010) население края потеряло более 7% своего населения, больше, чем какой-либо из субъектов СФО (Еремин, 2011). Расхождение между показателями населения по текущему учету и результатами переписи составило минус 64 тыс. чел. В то же самое время по данным специалистов миграционная убыль из региона является одной из самых высоких в стране. Выявленные тенденции продолжают усиливаться.

С целью комплексного анализа функционирования человеческого капитала в Алтайском крае начиная с его базового (витального уровня) нами была представлена гипотетическая интегративная модель социальных детерминант демографических процессов в региональном социуме, включающая основные факторы и условия распространения негативных самосохранительных практик поведения.

Социальная обусловленность, специфика и структура уровня рождаемости в регионе

На рисунке 1 представлена динамика коэффициента рождаемости в Алтайском крае с 2000 по 2017 г.

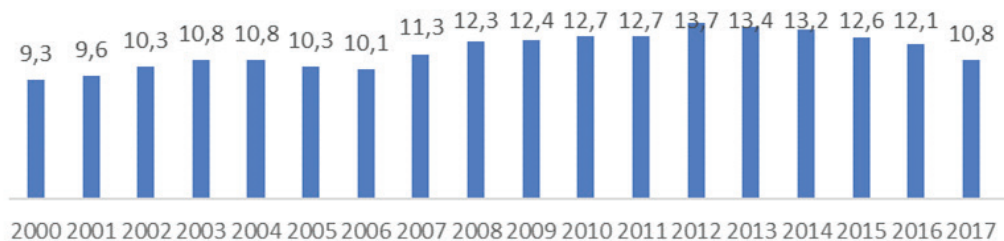

Рисунок 1 – Динамика изменения коэффициента рождаемости в Алтайском крае, число родившихся на 1000 чел. в год.

Как представлено на диаграмме, с 2000 по 2012 г. в крае наметилась позитивная тенденция, связанная с ростом рождаемости. Однако с 2012 г. по настоящее время в крае систематически отмечается снижение численности родившихся. На рисунке 2 представлена негативная динамика стремительного уменьшения общего количества родившихся в Алтайском крае с 2015 по 2019 г. (источник: Статистический ежегодник Алтайского края).

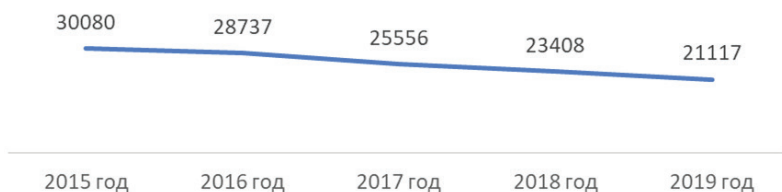

Рисунок 2 — Динамика рождаемости в крае с 2015 по 2019 г., абсолютное число родившихся.

По данным статистики за первые 8 мес. 2020 г. в крае родилось 13 222 новорожденных, что на 1280 человек меньше, чем за аналогичный период 2019 г. Таким образом, в крае продолжается тенденция достаточно масштабного снижения рождаемости.

Как отмечают специалисты, несмотря на негативные тенденции, в крае зафиксированы некоторые качественные положительные изменения в ответ на реализацию национального проекта «Демография». В структуре рождаемости незначительно увеличилась доля детей, родившихся первыми, а также третьими и последующими. Другой же негативной тенденцией явилось снижение доли детей, родившихся вторыми.

На современном этапе развития демографических и социальных наук общепризнано, что рождаемость является одной из базовых детерминант, обуславливающих специфику воспроизводства в любом региональном социуме. С другой стороны, системный анализ структуры, уровня и динамики рождаемости сможет идентифицировать и прогнозировать специфику эндогенных демографических условий изменения половозрастной структуры Алтайского края.

Характерной тенденцией для России и Алтайского края является процесс снижения рождаемости. Однако ретроспективный анализ данного показателя свидетельствует о его сложной и неоднозначной динамике. Как отмечают демографы, в 1990 г. в крае родилось около 34 тыс. детей, что явилось историческим максимумом за последний 30-летний исследуемый период. Последние же десятилетия характеризуются «обвальным падением рождаемости детей, беспрецедентным в отсутствие военных действий» (Черепанова, 2018).

Согласно рейтингу субъектов Российской Федерации по показателю общего коэффициента рождаемости, в 2017 г. Алтайский край занял 52-е место с показателем 10,8 ребенка на 1000 человек за год.

Изучение теоретических источников и вторичный анализ проведенных ранее исследований позволяют сформулировать выводы о негативных прогнозных тенденциях, которые заключаются в следующем: в связи с отсроченным характером создания семьи современной молодежью в крае будет сокращаться детородный период, наблюдаться уменьшение возможности рождения последующих детей. Например, уже в 2019 г. зафиксировано уменьшение числа вторых детей в семьях. Высокий уровень распространения абортов, что традиционно характерно в целом для России (4-е ме-

сто в мире в 2017 г.), в частности и для региона, а также рост тенденции откладывания рождения детей будет стимулировать невозможность появления детей в будущем. Следующей негативной тенденцией является ухудшение репродуктивного здоровья будущих родителей и проблемы с возможностью иметь детей. Распространение в мире и России явления *childfree*, проповедующего ценность жизни без детей, хотя и незначительно, но реализуется в Алтайском крае. Кроме того, снижать численность деторождения в крае будет все увеличивающийся дисбаланс численности между женским и мужским населением, который по данным специалистов будет увеличиваться. Другой негативной тенденцией будет рост численности женщин, преодолевших репродуктивный возраст. Выявленные тенденции являются характерными для современного времени и фиксируются в большинстве экономически развитых и развивающихся стран, что является показателем объективных мировых трендов.

Результаты социологического опроса позволили нам выявить прогнозные тенденции относительно установок молодежи от 17 до 21 года о предполагаемом родительстве и количестве детей в будущих семьях.

На рисунке 3 представлено распределение ответов студентов о том, сколько у них братьев и сестер.

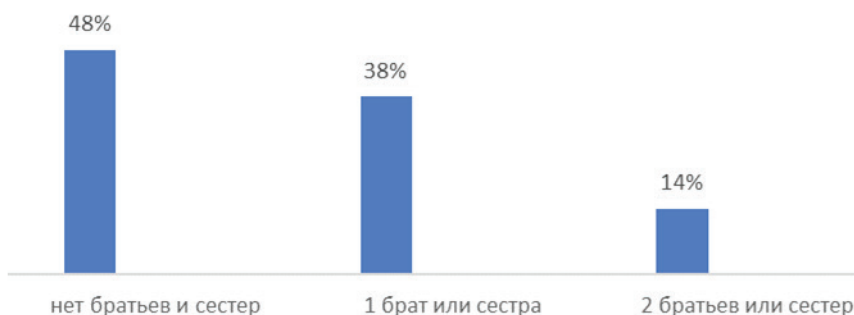

Рисунок 3 — Распределение ответов студентов о количестве у них братьев и сестер, %.

Как представлено на рисунке 3, половина испытуемых выросли в семьях, где являются единственным ребенком. Каждый третий молодой человек вырос в семье, имеющей двоих детей. Лишь 14% респондентов выросли в семье, где имеется три ребенка. Данные результаты отражают стабильность модели одно- или двухдетной семьи, характерной для поколения их родителей. Общеизвестно, установки на количество в семье детей могут наследоваться и повторяться в следующем поколении.

Как представлено на рисунке 4, большинство молодых людей оптимальным в семье видят наличие одного ребенка (43%), чуть более трети респондентов (38%) считают, что в семье должно быть двое детей, наличие троих детей в семье хотели бы иметь всего 19% опрошенных. Таким образом, по мнению современных молодых людей, наиболее актуальна одно- или двухдетная модель семьи, что не способствует даже простому воспроизводству населения в Алтайском крае.

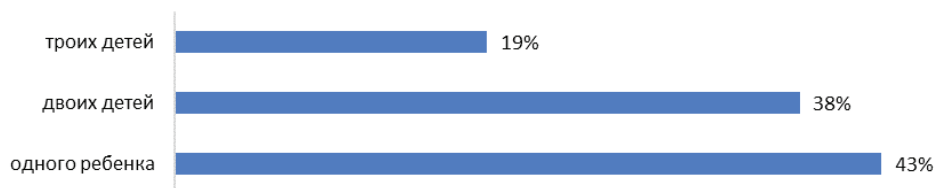

Рисунок 4 — Распределение ответов студентов на вопрос о том, сколько лучше всего иметь детей в семье, %.

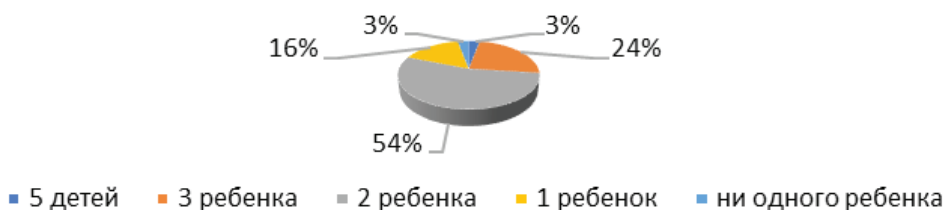

Рисунок 5 — Распределение ответов студентов на вопрос о том, сколько бы им хотелось иметь детей в семье, если бы для этого были все условия, %.

Анализ данного рисунка позволяет сделать вывод о том, что наличие благоприятных социальных и экономических условий не является значительно мотивирующим при планировании количества детей в потенциальных семьях. Незначительно увеличивается доля желаемых двухдетных семей (54%). Направленность на многодетные семьи у молодежи минимальна (3%). Желание молодежи иметь семью из трех детей также незначительно (24%). Особо негативным фактом является то, что появляется определенная часть молодежи, принципиально не рассматривающая себя как родителей, не планирующая детей, несмотря на благополучные условия.

Как указывают специалисты, меры материальной поддержки стимулируют рождаемость лишь первое время, постепенно уменьшая свое значение до нуля в том случае, если они не сопровождаются системной и комплексной поддержкой всех составляющих данного процесса.

Таким образом, кроме экономических и социальных детерминант, обуславливающих уровень рождаемости в регионе, появляются ценностные и мотивационные компоненты, снижающие потребность в детях. Данная тенденция имеет глобальный характер и все больше реализуется в современном мире.

Диаграмма, представленная на рисунке 6, подтверждает выделенный ранее тренд о преобладании у молодежи направленности на двухдетную семью. Каждый третий молодой человек планирует в будущей семье иметь лишь одного ребенка.

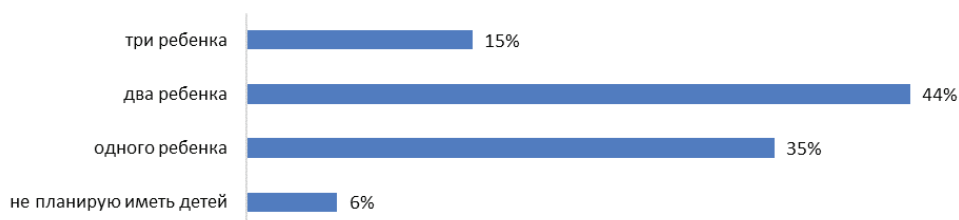

Рисунок 6 — Распределение ответов студентов на вопрос о том, сколько всего детей они собираются иметь, %.

В данном контексте представляется необходимым проанализировать динамику такого значимого для воспроизводства населения показателя, как суммарный коэффициент рождаемости (СКР), и определить его вклад в простое воспроизводство населения Алтайского края. СКР считается одним из значимых индикаторов рождаемости, а также косвенно отражает ситуацию и степень благополучия проживания в регионе. Коэффициент отражает количество родившихся детей у одной женщины в течение ее репродуктивного периода. Ретроспективный анализ динамики данного показателя в Алтайском крае выявил, что максимальный СКР был зафиксирован в крае в 1990 г. — 2,28 на одну женщину. Далее наблюдалось его волнообразное снижение вплоть до 2004 г., когда СКР достиг 1,3 ребенка на одну женщину. В 2006–2008 гг. СКР вырос на 23% и 21% соответственно (Еремин, 2010). Несмотря на относительный рост СКР с 2008 по 2010 г. демографы оценивали эту тенденцию недостаточно оптимистично. Например, СКР составил в 2008 г. всего 1,5, данный показатель даже не достиг уровня 1992 г. На рисунке 7 представлена динамика изменения СКР с 2010 по 2019 г.

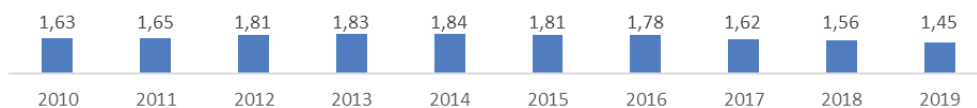

Рисунок 7 – Динамика изменения совокупного коэффициента рождаемости в Алтайском крае, количество детей на одну женщину репродуктивного возраста.

Как представлено на рисунке 7, преобладает незначительная волновая динамика СКР в пределах от 1,62 до 1,45 ребенка на одну женщину в год. Данная тенденция является пессимистическим прогнозом для демографической ситуации в регионе. Согласно прогнозу Росстата, представленному еще в 2010 г., СКР в Алтайском крае на сегодняшний момент в незначительной степени преодолел низкий вариант развития, согласно которому СКР должен был составить 1,355 ребенка на одну жен-

щину детородного возраста. Однако СКР в регионе не достиг среднего прогноза варианта развития в 1,608 детей на одну женщину.

Согласно представлениям современных демографов, если СКР не достигает уровня более чем 2,1 в течение нескольких лет, можно констатировать устойчивую тенденцию к депопуляции, что и наблюдается на современном этапе развития Алтайского края. В 2019 г. в Алтайском крае родилось на 10 тыс. детей меньше, чем умерло за этот же период. Данный разрыв характеризуется определенным историческим максимумом. Не внушают оптимизма и результаты опросов молодежи, согласно которым их направленность на двухдетную семью сопоставляется по количеству с желанием иметь лишь одного ребенка.

Социальная обусловленность, специфика и структура уровня смертности в Алтайском крае

Показатели региональной смертности являются значимым индикатором благополучия проживания в регионе, а также актуальной детерминантой процессов, характеризующих специфику воспроизводства населения. Для современного российского общества, в том числе Алтайского края, характерен кризис смертности, который заключается в беспрецедентно недопустимо высоком уровне смертей людей разного возраста. Значительное преобладание смертности над рождаемостью определяет главный вектор естественной убыли населения Алтайского края.

33971	33661	33356	33097	33264
2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год

Рисунок 8 — Динамика смертности населения в Алтайском крае с 2014 по 2018 г., тыс. чел. за год.

Как представлено на рисунке 9, с 2006 г. по настоящее время коэффициент смертности в Алтайском крае был выше, чем среднероссийский уровень, что можно трактовать как региональное неблагополучие, индикатор сниженных резервов населения Алтайского края. По данным Алтайкрайстата, с января и по октябрь 2020 г. смертность составила 28 912 чел., что на 3 тыс. чел. больше, чем за этот же период в 2019 г. Таким образом, убыль населения Алтайского края продолжает увеличиваться. В контексте анализа социально-демографической безопасности региона необходимо изучить структуру смертности населения и определить возможности ее минимизации.

Уровень и детерминанты потерь населения в контексте внешних неестественных причин смертности: социально-опасных, аутоагрессивных и суицидальных форм поведения

Структура причин смертности в Алтайском крае совпадает с общероссийскими тенденциями, согласно которым на первом месте по числу умерших значатся

сердечно-сосудистые заболевания. На втором месте традиционно находятся онкологические заболевания. Третье место причин смерти в Алтайском крае составляют неестественные причины, такие как убийства, самоубийства, падения с высоты, дорожно-транспортные происшествия. Например, в 2019 г. регион занял среди 85 территорий РФ 28-е место по числу преступлений, 31-е — по количеству преступлений, связанных с оборотом наркотиков, 42-е — по числу убийств. Статистический анализ смертности от неестественных причин в Алтайском крае позволяет сделать вывод о том, что каждая 10-я смерть в регионе является связанной с внешними, неестественными причинами и таким образом может быть предотвратимой при эффективной социальной политике, формировании культуры и мотивации к самоохранительному поведению и долгожительству в Алтайском крае.

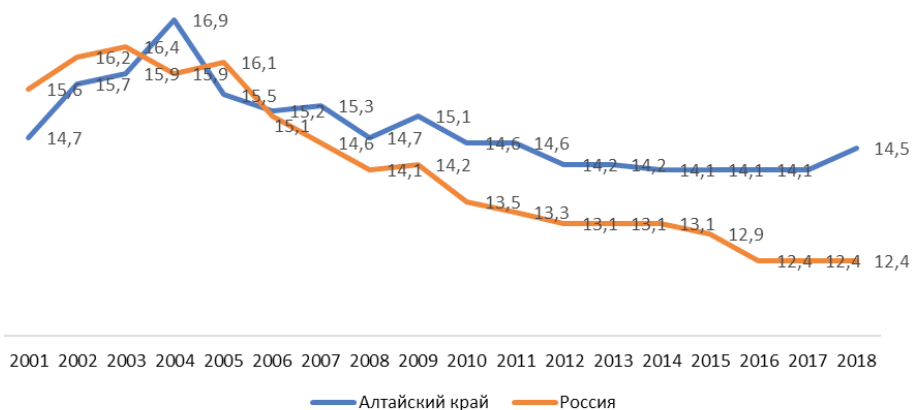

Рисунок 9 – Динамика коэффициента смертности в России и Алтайском крае с 2000 по 2018 г., число смертей на 1000 населения.

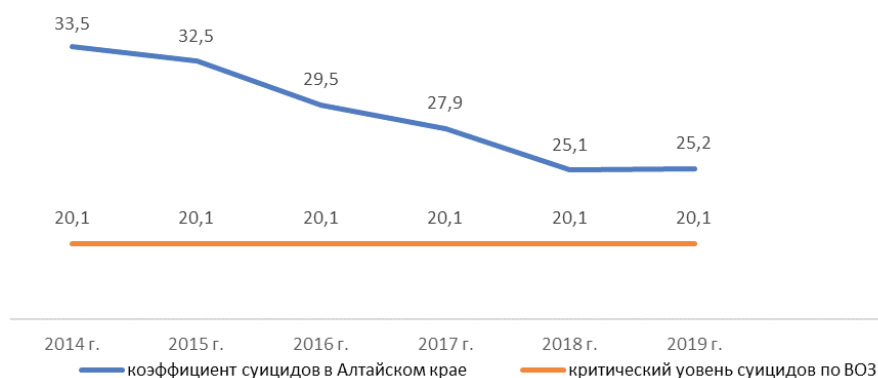

Рисунок 10 — Динамика показателей коэффициентов самоубийств в Алтайском крае в сравнении с критическим уровнем суицидов по критерию ВОЗ, число самоубийств на 100 тыс. населения.

Как представлено на рисунке 10, в регионе наблюдается позитивная тенденция снижения уровня самоубийств с 2014 по 2019 г. Однако региональные показатели превышают критический уровень самоубийств по критерию ВОЗ, что подчеркивает неблагополучие жизнедеятельности населения в регионе (рисунки 10 и 11). В 2019 г. коэффициент смертности от убийств составил 11,9 на 100 тыс. населения. Уровень самоубийств в Алтайском крае колеблется от 25,1 до 33,5 на 100 тыс. населения за последние 6 лет.

Рисунок 11 — Сравнительные показатели коэффициента самоубийств в 2019 г. с линией тренда, число самоубийств на 100 тыс. населения.

Системный анализ смертности в регионе и ее основных причин требует обращения к исследованию системы мотивации граждан к продолжительной активной жизни, ведению здорового образа жизни, отказу от саморазрушительных паттернов поведения.

Заключение

Исследование проблем функционирования и повышения эффективности потенциалов человеческого капитала является актуальным направлением современной социологической науки. Значимость изучения данного феномена особенно повышается в условиях инновационного этапа развития экономики современного российского общества.

Все это подтверждает системообразующий и центральный характер человеческого потенциала в развитии прогресса любого общества. В данном контексте человеческий капитал взаимообуславливается формированием и других видов капитала, например физического, финансового, социального и пр. Специфика качественных и количественных компонентов человеческого капитала способна определять социально-экономическое развитие региона или страны в целом. В данном случае актуализируется проблема воспроизводства человеческого капитала, а также его социальный контроль и управление. Социальное управление становится возможным только в условиях понимания социального механизма, лежащего в основе формирования разных компонентов человеческого капитала, определяющего особенности их взаимодействия и роста эффективности.

Данная проблема может быть решена за счет повышения эффективной социальной регуляции функционирования человеческого капитала в различных территориях страны.

При этом важно осознать двойственность феномена человеческого капитала, повышение эффективности использования которого является, во-первых, базовой целью социального развития, а во-вторых, обеспечивает условия и ресурсы развития того или иного региона. Социально-экономическое развитие региона и его потенциал в первую очередь определяется уровнем развития человеческого капитала данной территории. С другой стороны, экономический потенциал региона также должен быть направлен на рост инвестиций в человеческий потенциал, повышение его количественных, а главное — качественных составляющих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алтер Д., Кларк Г. Демографический переход и человеческий капитал. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени, 2013, Vol. 1, 1700–1870.

Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ-ВШЭ, 2013.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Весь Мир, 2007, No. 3, 13–15.

Брукинг Э. Интеллектуальный капитал. СПб.: Питер, 2001.

Васин В.А. Национальная инновационная система в социально-экономическом пространстве. М.: ИПРАН РАН, 2011.

Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

Глазьев С.Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике. Международная экономика, 2010, No 5, 5–27.

Горшков М.К. Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН, 2011.

Гребенников О.В. Формирование у учащихся ценностного отношения к здоровому образу жизни. Концепт, 2016, No 24, 43–46.

Демография в Алтайском крае: итоги 2019 года. URL: <https://www.aksp.ru/news/news/35339/> (дата обращения: 15.02. 2021).

Емельянов Ю.С., Хачатурян А.А. Человеческий капитал в модернизации России: институциональные и корпоративные аспекты. М.: Едиториал УРСС, 2011.

Еремин А.А. Динамика смертности в Алтайском крае на современном этапе. Известия Алтайского государственного университета, 2013, 3 (79), 123–128.

Народы Алтайского края. Официальный сайт Алтайского края. URL: <https://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/narodi-altaiskogo-kraia/narodi-altaiskogo-kraia.php> (дата обращения: 05.03.2021).

Черепанова М.И. Региональное неравенство: проблемы демографического развития

приграничных территорий Сибири. В кн.: Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: материалы. Москва, МГУ, 2018, С. 591–593.

Черепанова М.И. Отношение к мигрантам как прогноз национальной безопасности в приграничных регионах России. В кн.: Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях. Москва, ВЦИОМ, 2017. С. 1016–1019.

Maksimova S., Surtaeva O., Cherepanova M. Migration policy as a factor in ensuring social security: expert opinion in cross-border regions of Russia. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019). *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. V. 364. Atlantis Press, 2019, 737–741.

REFERENCES

Alter, D., Clark, G. (2010). Demograficheskiy perehod i chelovecheskiy kapital [The demographic transition and human capital]. *The Cambridge Economic History of Modern Europe*, no 1, 43–69.

Becker, G.S. (2013). *Chelovecheskoe Povedenie: Ekonomicheskij Podhod. Izbrannye Trudy po Ekonomicheskoy Teorii* [The Economic Approach to Human Behavior: Selected Papers on Economic Theory]. Moscow: GU-VShE.

Brodel, F. (2007). Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. [Material Civilization, Economy and Capitalism, XV–XVIII]. *Ves' Mir*, no 3, 13–15.

Bruking, E. (2001). *Intellektual'nyj kapital* [Intellectual Capital]. SPb, Piter.

Vasin, V.A. (2011). *Nacional'naya innovacionnaya sistema v social'no-ekonomicheskom prostranstve* [National Innovative System in the Social-Economic Space]. Moscow: IPAN RAN.

Vishnevskij, A.G. (2010). *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizaciya v SSSR* [Sickle and Rouble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: GU-VShE.

Glazev, S.Yu. (2010). Novyj tehnologicheskij ukklad v sovremennoj mirovoj ekonomike [New technological order of the contemporary world economy]. *International Economics*, no 5, 5–27.

Gorshkov, M.K. (2011). *Nepreryvnoe obrazovanie v kontekste modernizacii* [Continious Education in the Context of Modernization]. M.: IS RAN.

Grebennikov, O.V. (2016). Formirovanie u uchashchihsya cennostnogo otnosheniya k zdorovomu obrazu zhizni [Formation of value-based attitude towards healthy life among pupils]. *Koncept*, (24), 43–46.

Demografiya v Altajskom krae: itogi 2019 goda [Demography in the Altai region: results of the 2019]. URL: <https://www.aksp.ru/news/news/35339/> (accessed 15 February 2021).

Emel'yanov, Yu.S., Hachaturyan, A.A. (2011). *Chelovecheskiy kapital v modernizacii Rossii: institucional'nyj i korporativnyj aspekt* [Human Capital in the Modernization of Russia: Institutional and Corporative Aspects] (pp. 123–128). Moscow: Editorial URSS.

Eremin, A.A. (2013). Dinamika smertnosti v Altajskom krae na sovremennom etape [Mortality dynamics in the Altai region at the modern stage]. *Bulletin of the Altai State University*, 3 (79), 123–128.

Narody Altajskogo kraja [National policy in the Altai region]. *Oficial'nyj sajt Altajskogo kraja* [Official site of the Altai region]. URL: <https://www.altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/narodi-altaiskogo-kraia/narodi-altaiskogo-kraia.php> (accessed at 5 March. 2021).

Cherepanova, M.I. (2018). Regional'noe neravenstvo: problemy demograficheskogo razvitiya prigranichnyh territorij Sibiri [Regional inequality: challenges for demographic development of border territories of Siberia]. In: *Social'naya nespravedlivost' v sociologicheskom izmerenii: vyzovy sovremennogo mira: XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Sorokinskie chteniya»: materialy* [Social injustice in the sociological perspective: challenges of the contemporary world] (pp. 591–593). Moscow: MSU.

Cherepanova, M.I. (2017). Otnoshenie k migrantam kak prognoz nacional'noj bezopasnosti v prigranichnyh regionah Rossii [Attitudes towards migrants as a prognosis for national security in border regions of Russia]. In.: *Navstrechu budushchemu. Prognozirovanie v sociologicheskikh issledovaniyah* [Towards the future. Forecasting in sociological research] (pp. 1016–1019). Moscow : VCIOM.

Maksimova, S., Surtaeva, O., Cherepanova, M. (2019). Migration policy as a factor in ensuring social security: expert opinion in cross-border regions of Russia. *Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019)*. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. V. 364, 737–741.